

Беседы «Сибири»

А ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ?

Писатель Валентин Распутин

в беседе с журналистом

Виктором Кожемяко

Диалоги выдающегося русского писателя Валентина Распутина с известным журналистом Виктором Кожемяко, начавшиеся более пятнадцати лет назад, посвященные злободневным и острым вопросам современности, составили книги — «Последний срок: диалоги о России», выпущена в 2005 году издательством «Воскресенье», и «Большая душа», которая вышла в издательстве «Алгоритм» три года назад. Однако беседы продолжались и в последующие годы. Сегодня — очередной разговор писателя и журналиста, размышляющих о некоторых итогах года минувшего и о том, что день грядущий нам готовит.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

В.К. Валентин Григорьевич, вот и еще один год минул — 2009-й. Перед новогодним праздником полагалось бы настраиваться на радостный лад, но честно скажу: не получилось у меня. Ведь словно по заказу в стране нашей подряд столько тяжелых трагедий! Не успели еще опомниться от катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС — взрывы на военных складах в Ульяновске, а затем подрыв «Невского экспресса». Прошла лишь неделя после этой беды — жуткое кострище в Перми, унесшее более 150 человеческих жизней...

В.Р. Да, да! И это далеко еще не все беды минувшего года. Это только самые громкие, небывалые, как катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС и пермская трагедия... Но ведь продолжалось еще и изнасилование детей, заказные убийства едва ли не достигали уровня ельцинских лет; дорожные аварии с гибелью людей побили все предыдущие рекорды; через день, да каждый день поступают сообщения о бандитских нападениях

на инкассаторов, священников, на случайных прохожих, не так посмотревших или не то сказавших. Если это не война, то и не мир.

В.К. Можно рассматривать порознь каждую из трагедий, потрясших нас в прошлом году, и у каждой будут свои конкретные причины и конкретные следствия. Но, размышляя о причинах и следствиях всех этих бед, невольно опять обращаешься к нравственному, а точнее — все более безнравственному состоянию нашего общества. Само слово-то это, нравственность, давно уж почти совсем не звучит у нас в общественном обиходе, и многим, особенно молодым, наверное, кажется абсолютным анахронизмом. Не потому ли, например, организаторы веселья в пермском ночном клубе «Хромая лошадь» без душевных угрызений покинули вспыхнувшее заведение через известный только им служебный ход, предоставив остальным задыхаться в тесноте единственного для всех выхода?

В.Р. А вот это что — распущенность, безнравственность или что-то пострашнее? Всегда ведь было: сам погибай, а товарища выручай. Конечно, и в «Хромой лошади» некоторые жертвы огня пытались помочь друг другу, но огонь был сильнее. Впечатление такое, что его, огонь, распалили не только легковоспламеняющиеся материалы по стенам и потолку, но и самое это издевательское название заведения. Странные все-таки вкусы: над гражданами нашими издеваются, а они приходят в восторг. За пошлость и бесстыдство поднимают цены, а они считают это справедливым. Ведь эта «Хромая лошадь» была чрезвычайно популярна, иначе не случилось бы многократного перенаселения ее в ту трагическую ночь. И набились туда не подростки-несмышлениши, а взрослые люди, как сообщалось, от 20 до 40 лет. С вполне сложившимся вкусом, с немалым житейским опытом.

Это еще раз подтверждает, что со вкусами и житейским опытом в России не все в порядке. Двадцать лет миновало с начала той «судьбоносной» поры, когда наизнанку было вывернуто все: и многовековые нравы и традиции, и способы жизни и хозяйничанья, трудовые и воинские победы, тысячелетняя история... Все охаивалось и отвергалось. Нажитое и выстроенное народом в тяжких трудах за многие десятилетия растащили за полгода. Это походило на то, как если бы свергался последний очаг обезьяньего периода, предшествовавшего человечеству, и наконец-то открывались сияющие перспективы.

Не забыли еще: малолетние школьницы, освобожденные от понятий хорошо-плохо, прилично-неприлично, дружно возжелали под влиянием телевидения стать проститутками. Такие объявились вкусы. Девушки постарше бросились за границу. Одни в поисках богатых женихов, другие на заработки тем самым ремеслом, которое не требует ни воспитания, ни образования. И миллионы людей более старшего поколения, бывшие инженеры, учителя, кандидаты наук, матери и отцы, потеряв работу, вынуждены были обзавестись профессией «челнока»: за границей купить, дома продать и накормить детей. И это в целомудренном народе, не признававшем барышничества и разврата. Вырвались из коммунизма и ветхозаветных понятий — и уже через десять лет (да раньше, раньше!) тысячи и тысячи мамаш школьного возраста, начиная от 12-14 лет и далее, принялись рожать и подбрасывать своих чад под чужие двери или выбрасывать на помойку.

Да разве можно от таких нравов освободиться сразу, если бы даже и захотели освободиться?! Но не очень и хотят. «Передовая» и независимая от всяких ограничений пресса, телевизионные программы, Интернет, уличная реклама продолжают свое дело даже и не исподтишка, а открыто и воинственно.

Нравы, нравственность — однокоренные слова, но уже с разошедшимися понятиями-

ми. Нравы — ну и нравы! — превратились в нечто дурное, неприятное, а нравственность, мораль покуда еще сохраняют свою чистоту и непогрешимость. Сохраняют в последнее время, по-моему, прежде всего благодаря церкви. Спасшиеся — это все-таки по большей части верующие.

В ПОГОНЕ ЗА ПРИБЫЛЬЮ

В.К. Очевидна, думается, и еще одна общая для многих трагедий года причина: безудержная капиталистическая погоня за деньгами, за прибылью! В той же Перми «экономили» на противопожарной безопасности, сократив, как выясняется, необходимые расходы на нее по городу аж в три раза. В помещение ночного клуба, рассчитанное на 50 человек, назвали около 300. Денежки — в карман, а люди пусть горят. Закупая по дешевке старые, уже почти негодные «Боинги», обрекают сотни людей на гибель, зато хозяева авиакомпаний обогащаются. А Саяно-Шушенская ГЭС? Разве не жадность новоявленных хозяев, не желавших тратиться на своевременный и неотложный ремонт, привела к катастрофе? Естественный износ техники, еще советской, плюс «реформа» энергетики по Чубайсу — вот и результат. Однако имя непотопляемого Чубайса, названное комиссией поначалу самым первым среди виновников, очень скоро из того списка исчезло. Случайно?

В.Р. «Безудержная капиталистическая погоня за деньгами, за прибылью», — говорите вы. Да, настолько безудержная и алчная, что невольно является страшное предположение: а что, если бы в Великой Отечественной войне взял верх фашизм и последовала бы оккупация России со всем тем, что бывает при оккупации: унижение и эксплуатация народа, надругательство над его вековыми традициями и образом жизни, подневольное и унижительное существование, миллионы и миллионы беспризорников, вывернутая наизнанку школа, разрушенное хозяйство, запущенные пашни и т.д. и т.п. — было бы при таком фантастическом порядке труднее и страшнее? Все, что испытали мы при Ельцине, Чубайсе и К°, сравнить не с чем, и свобода, ради которой якобы потребовались жертвы, ничего не принесла, кроме чужебесия, распущенности, безнравственности, нищеты одних и бешеного богатства других. Требуется полностью перевоспитывать наш народ, чтобы он с этим смирился. Да оно и идет полным ходом, это перевоспитание, в школах и вузах.

А Чубайс... что ж Чубайс... Он давно уж для власти святой... Ну, балуется, ну, вредит, хамит, ну, одиозная фигура, ну, принял участие в трагедии Саяно-Шушенской ГЭС, да ведь весь ельцинский синод прошлого и настоящего у него в покровителях, и ни один волос с его головы не должен упасть.

В.К. Весь год говорили о мировом финансово-экономическом кризисе, постигшем и Россию. Казалось бы, раз кризис, значит, общество подтягивается, мобилизуется, сокращает расходы, без которых в кризисных условиях можно обойтись. Казалось бы... А на деле? Разве хоть в чем-то заметно, что богачи наши умерили свои безумства в роскоши и начали думать о других людях, едва сводящих концы с концами? Нет, Абрамович опять приобретает новую сверхшикарную яхту, другой «российский» миллиардер — Исмаилов — устраивает пир на весь мир в Турции по случаю открытия нового небывало роскошного отеля, а его детки, шокируя Европу и сбивая встречных, гоняют на сверхдорогих лимузинах и недозволенных скоростях в Швейцарии... У служащих банков и частных фирм — многомиллионные «бонусы», у чиновников — «откаты», тоже многомиллионные. Призывы свыше к богатым вести себя более скромно раздавались, но вы уверены, что кто-нибудь это услышал или услышит?

В.Р. Виктор Стефанович, мы с вами продолжаем оставаться неисправимыми нравственниками, что давно уже считается занудством и неприличием: сколько уже раз, с той поры как мы начали эти беседы, приходилось обращаться к личности Абрамовича и его теперь уже многочисленных братьев-олигархов. Ну и что, кого-нибудь устыдили? Пьянеют не только от водки, еще больше пьянеют и теряют человеческий облик от бешеного богатства. Кампанию против пьянства было бы полезно совместить с настоящей, а не формальной, для вида, кампанией против лихоимства. Пьяница покуражится-покуражится да и заснет в обнимку с бутылкой в подворотне, а одуревшему от несправедливых миллиардов этого мало, он полетит на крыльях удачи в Европу или Америку, закажет самую дорогую яхту и одновременно самый дорогой аэроплан в свою собственность, выстроит сверхдорогой отель да прикупит в двух-трех местах виллы — и пошла гулять губерния на весь свет.

Пьянство — это зло, и зло тяжелое, ну а разве подобные нравы, да еще и показные, буйные, пугающие осторожных европейцев, недоступные пониманию большинства наших соотечественников, — разве это меньшее зло?

Ну ладно, Абрамович и его друзья-олигархи первого призыва разбогатели в самое воровское время при Ельцине, с которого взятки гладки, но ведь этот клан небожителей разрастался, как на дрожжах, и во все последующие годы, и Россия, как курица-несушка, производила их постоянно. Трудно поверить, но ведь факт: тот самый Исмаилов, о котором вы упомянули, пожалуй, самый матерый миллиардер, нажил свои капиталы в печально знаменитом и одиозном Черкизовском рынке, превратившемся под его руководством в небывалый торг опасными продуктами и фальшивыми товарами. И известном к тому же рабством гастарбайтеров, русских и даже китайцев. И что, не ведало об этом московское правительство, не доносилась правда до российского?

После подобных прямо-таки великомасштабных нравов местнические бравые попытки утереть нос другим, как правило, заканчиваются печально. Не тот калибр риска и вызова. Во Владивостоке к Новому году решили поставить на площади елку небывалой высоты и стоимостью в десять миллионов рублей. Конечно, такая елка не в лесу выросла, а под руками молодцов-мастеров. Поставили, нарядили. Но подул ветер — и елка грохнулась оземь и разлетелась на мелкие кусочки.

Вот и выше всех, вот и десять миллионов.

КОМУ ВЛАСТЬ СЛУЖИТ

В.К. У нас давно уже очевидно сращивание так называемого бизнеса и власти. Получается замкнутый круг: президент Д.Медведев призывает «не кошмарить бизнес», до минимума сократить всяческие проверки частных предприятий и заведений, а результатом становятся трагедии — наподобие той, что произошла в «Хромой лошади», где грубейшим образом оказались нарушенными элементарные противопожарные требования. Но «усиление контроля», как показывает жизнь, тоже мало что дает, поскольку зачастую это не реальный контроль, а лишь видимость: пресловутые «откаты» все сводят на нет. Вы не замечаете в такой ситуации некоей безысходности?

В.Р. Оказалось, довольно легко сойти со сложившегося за многие десятилетия порядка отношений между государством и гражданами. И оказалось чрезвычайно трудно к нему вернуться.

90-е годы до основания разрушили этот порядок. Государство осталось с объявившимися корыстолюбивыми богачами-«предпринимателями» и, может быть, еще более

корыстолюбивым чиновничеством. А нередко, как мы знаем, те и другие соединяются в одном лице. Народ не мог не видеть этого и отошел от греха подальше, в сторонку, заботясь лишь о своем выживании. Народовластие как державное понятие оказалось совершенно исключено как из политического языка, так и из практической жизни.

Отсюда и теперешние несообразности и пустоты.

В.К. Для меня знаком единения власти и олигархов в абсолютной безнравственности стало происшествие, которое я считаю самым позорным в ушедшем году. Скандально знаменитый по «истории с девочками» во французском Куршевеле олигарх Михаил Прохоров на сей раз решил «достойно» отметить годовщину своего буржуазного журнала «Русский пионер». И отметить не где-нибудь, а на крейсере «Аврора» — боевом корабле №1 Военно-Морского флота России. Разумеется, в этом прежде всего был вызов миллиардера «Авроре» как кораблю революции: бурная пьянка на борту крейсера с прыганьем в Неву под матерные песни некоего Шнура носила характер демонстративного святотатства. Но самое главное — кто принял участие в этом мероприятии! Среди гостей были полномочный представитель президента Клебанов, министр федерального правительства Набиуллина, губернатор Санкт-Петербурга Матвиенко. И никого из них, судя по всему, не смутило, что разухабистая пьяная гулянка на корабле, который является музеем, — это, мягко говоря, неприлично. Об олигархе я уж и не говорю — нравы прохоровых, исмаиловых, фридманов и абрамовичей давно известны. А как вы думаете, почему люди, представляющие российскую власть, позволяют себе такое?

В.Р. Комментировать это событие свыше моих понятий и сил. Но приходится признать неумную изобретательность олигарха. Что там голые девочки во французском Куршевеле? Тьфу! — плюнуть и размазать! Но вот на «Авроре» шумный и неприличный бардак с самыми знатными членами правительства и президентскими приближенными — вот это фокус! Теперь вся Россия — да что там Россия! — весь мир должен замереть в ожидании: что же дальше выкинет богатейший похабник? Ведь он, конечно же, на этом не остановится!

А если представить — случись такое в любой из европейских стран, не говоря уж об Америке, я думаю, скандал прогремел бы с последствиями серьезными, и если не головы у высокопоставленных чиновников, то судьбы полетели бы непременно. Но какой же нравственности ждем мы от своих граждан, какого доверия к сильным мира сего, если «Аврору» осквернили, совесть и стыд публично оплевали — и ничего! Как будто так и надо, чтобы страна не сучала.

ЧТО УВИДЕЛОСЬ НА АНГАРЕ

В.К. Летом газеты писали о путешествии, предпринятом Валентином Распутиным по Ангаре, от Байкала до Кодинска. Путешествии не развлекательном, а познавательном и направленном в конечном счете на спасение уникальной реки и заповедных мест на ней.

В.Р. Да, такое путешествие состоялось, грустное и в какой-то степени загадочно-трагическое. Я ведь и сам с Ангары, и Аталанка моя, переехавшая полвека назад перед затоплением Братского водохранилища в гору и принявшая в себя полдюжины соседних деревень, до сих пор жива, хотя и доживает, по всему судя, последние годочки. Поля затопили, леса вырубил, постоянных дорог в большой мир нет, работы нет, надежд не осталось — пустеет Аталанка. Мы на этот раз провели в ней без малого два дня, оставшиеся жители приняли наконец Христово крещение от прибывших с нами

батюшек, затем меня попросили указать, где стояла-живала Аталанка до затопления, почти наугад в разливе нынешнего моря я это место указал, и товарищи мои опустили в воду поминальные цветы, а «Метеор» наш дал скорбный гудок.

Следующий поселок — Карда — опустел и погиб окончательно, к нему и причалить не удалось. Подволочная (тут когда-то начинался волок на Илим), тоже вобравшая в себя все ближние деревни, еще держится благодаря близости к Братску, но и здесь — заброшенные избы и неуверенность в завтрашнем дне.

Красавицу Ангару только по старой памяти можно называть Ангарой. Три гидростанции — Иркутская, Братская и Усть-Илимская — превратили ее в разбухшую, ограбленную и даже опасную старуху. Десятки лет после затопления пришлось ей вымывать из своих глубин и качать на волнах неубранные леса, а затем баррикадами забивать ими свои берега. Острова ушли на дно, воду пить нельзя, рыбу есть нельзя — это результаты работы химических предприятий в Ангарске, Усолье-Сибирском и Саянске. Нельзя, но и рыбу берут, и воду пьют. А что делать? Кому жаловаться?

А впереди еще, уже на воде и земле Красноярского края, — многострадальная и огромная Богучанская ГЭС, строящаяся уже без малого тридцать лет.

В.К. Накануне Нового года появились сообщения о заседании в Красноярске правительственной комиссии под председательством вице-премьера Игоря Сечина. Речь шла о скорейшем вводе в строй Богучанской ГЭС. После аварии на Саяно-Шушенской премьер Владимир Путин дал поручение пустить Богучанскую в конце 2010 года или в начале 2011-го. На заседании Сечин констатировал: «запаздываем примерно на семь месяцев», «выполнено только 70 процентов всех запланированных на 2009 год работ», «мешает конфликт акционеров». Но ни слова при этом не было сказано о серьезных угрозах, которые несет несовершенный проект Богучанской гидростанции.

Дело в том, что в погоне за той же прибылью верхний бьеф, то есть уровень рукотворного моря, решено было поднять с запланированных в советское время 185 метров до 208 или даже 211. Между тем авторитетные специалисты предупреждают, что каменно-набросная плотина при этом может не выдержать напора Ангары, что обернется катастрофой, аналогичной саяно-шушенской. Оказывается, еще в 2003 году, при минимальном напоре, плотина Богучанской ГЭС дала течь и был затоплен котлован, под воду ушло здание гидростанции. К счастью, тогда обошлось без человеческих жертв. Но чтобы избежать их в будущем, специалисты, опубликовавшие свою статью в газете «Красноярский рабочий», требуют провести немедленную квалифицированную проработку дальнейшего строительства плотины. Только вот как добиться этого?

В.Р. Многострадальная Богучанская... Многострадальная еще до завершения строительства. Гремела, как все ангарские ГЭС, в 80-х прошлого столетия, затем надолго затихла, когда менялась власть, потом была разбужена и возвышена... «Возвышена» — это значит, как вы уже сказали, что верхний бьеф ее для увеличения мощности решили поднять на много метров. Это потребовало переселенных прежде из нагретых за столетия родовых мест снова переселять неведомо куда. В общем-то ведомо: подальше от Ангары. Тут, на песенной Ангаре, веками жил песенный народ. На встречи с нами собирались женщины, как правило, преклонного возраста и без особых уговоров принимались петь. Затем плакать. И снова петь. Раньше так провожали на войну мужиков, теперь так прощаются с родной землей.

В молодости, работая в газетах, я много раз бывал на Братской ГЭС, затем на Усть-Илимской, позже на Красноярской и даже однажды на Саяно-Шушенской. Конечно, и тогда при вынужденном переселении не обходилось без слез, и тогда ломались судьбы

многих и многих, и тогда потери земные и нравственные, если поставить их рядом с нуждами цивилизации, были несравнимыми... Но тогда держалось еще доверие к государству: надо — значит надо.

С тех пор в сознании народа много что изменилось. В акционерах видят только олигархов, граждан мира, которым на Россию и на ее народ наплевать, была бы выгода. Притом не какая-нибудь, а бешеная. И участие их в сооружении гидростанций заставляет подозревать, что сооружения эти могут быть недолговечными.

Богучанскую ГЭС решено запустить через год-полтора. Ну что же, строители могут и поднажать. Но Ангара... это будущее ложе водохранилища — прости, Господи, за этот язык! — могучая Ангара здесь сплошь в чудо-островах, на которых не просто лес, а, считай, тайга на километры и километры... Да леса, еще более могучие, по берегам реки. И если в моих родных местах при сооружении Братской и Усть-Илимской ГЭС леса не были убраны даже и вполтину, и десятки лет (именно десятки лет до последнего времени) они сначала торчали по берегам из воды, затем их вымывало и таскало по нашим рукотворным морям тоже годами и годами, а затем забило ими, как баррикадами, все берега, не подойти и не подъехать, что же будет теперь здесь?

Ясно, что будет: то же самое, только в гораздо больших масштабах. Судя по всему, уже готовится — да еще и не обернулось бы катастрофой прорыва плотины, если из-за спешки и погони за прибылью не прислушаются к предупреждающему голосу специалистов. Надо требовать, чтобы прислушались!

В.К. Телевидение летом показало вашу встречу с В.Путиным на Байкале.

В.Р. Я попросил о встрече с председателем правительства из Козьмодемьянска, из города, рядом с которым сооружается Богучанская ГЭС. Путин все-таки несколько лет назад, можно сказать, спас Байкал от грозившей ему беды, когда принял решение отодвинуть нефтяную трубу по берегу Байкала на безопасное расстояние. Мы, болеющие за судьбу уникального чуда природы, этого поступка, который стоил, должно быть, немалых дополнительных затрат, не забыли. Не забыл и Байкал. В прошлом году Владимир Владимирович опустил на глубоководном аппарате «Мир-1» на дно Байкала в самой глубокой его части и тогда мог не беспокоиться о каких-либо осложнениях.

Наша встреча с председателем правительства состоялась тоже на Байкале, на дрейфующем посреди озера корабле. Я начал с того, что припомнил слова А.И.Солженицына о главной задаче власти — сбережении народа. А сбережение народа — это не только обеспечение его работой и прожиточным минимумом, но и сохранение России в ее нравственном, духовном и культурном обликах, в сохранении природы — матери народа.

В.В.Путин не перебивал меня, но только до той поры, пока я не заговорил о Богучанской ГЭС, о том, нет ли возможности, если не прекратить ее строительство вовсе, то хотя бы отказаться от увеличения отметки верхнего бьефа. Ответ Путина был: уже поздно. А что касается следующей гидростанции на Ангаре (в планах на будущее она существует), по ней, сказал он, еще нет окончательного решения.

А буквально через неделю после этой встречи грохнулась Саяно-Шушенская. Конечно, это случайность, что трагедия произошла вскоре после нашей встречи. Но какая-то уж очень назидательная случайность.

А еще позднее стало известно, что на Байкале возобновляет свою работу целлюлозный комбинат.

Эта новость повергла защитников Байкала в недоумение и растерянность. Это что же, опять начинать все сначала? Я состоял в Государственной комиссии по Байкалу в середине 80-х прошлого столетия, руководил которой Николай Иванович Рыжков.

Комиссия в 1985-м приняла решение: к 1993 году работу целлюлозного комбината на Байкале прекратить. Но новая власть в начале 90-х скорее готова была прекратить существование России, о Байкале в то время и речи не могло быть.

Но сегодня-то?!

ПОТЕРИ В КУЛЬТУРЕ НЕВОСПОЛНИМЫЕ

В.К. Прошедшим летом, когда вы были в Иркутске, на псковской земле скончался выдающийся поборник русской культуры Савва Ямщиков. И в те же дни на земле иркутской вам пришлось провожать в последний путь замечательного русского книгоиздателя Геннадия Сапронова. Что значат такие утраты для вас лично и для России?

В.Р. Почти одновременно две такие потери — это для нас жестокий удар. Невосполнимый. Более полугода прошло, а боль не утихает. Да и утихнет ли когда-нибудь?

Иркутянин Геннадий Сапронов за последнее десятилетие приобрел славу одного из интереснейших книгоиздателей страны. Книги печатал по соседству, в Китае, — там и качество высокое, и дешевле. Много издавал Виктора Астафьева, знаменитого литературоведа и публициста из Пскова Валентина Курбатова, меня, некоторых москвичей — искал среди них патриотов. Организовывал ежегодные литературные праздники под названием «Этим летом в Иркутске», перефразировав название пьесы А.Вампилова «Прошлым летом в Чулимске», и приглашал на них, а предварительно издавал самых интересных и талантливых авторов.

Это он, Геннадий Сапронов, организовал нашу поездку по Ангаре. На нем была Ангара иркутская, а красноярскую взял на себя его друг, ректор Красноярского педуниверситета Николай Иванович Дроздов, ученый, историк и знаток ангарских древностей. Сбоя под их руководством не было нигде, и если мы не добрались до Енисея, то потому лишь, что общим мнением решено было: впечатлений достаточно, все остальное доберем в следующем году. С нами была московская киносьемочная группа «Остров» во главе с Сергеем Мирошниченко, в таком путешествии нельзя было обойтись без Валентина Курбатова, для которого Иркутск и Красноярск давно уже почти такая же родина, как Псков, где он живет. Всех наших спутников перечислять пришлось бы долго.

При отправлении из Иркутска наша группа насчитывала более двадцати человек. Мы начинали свое путешествие на комфортабельном теплоходе, продолжили на катерах и машинах, из Красноярска разъезжались по домам на самолетах. И все это надо было организовать, устроить, добиться... Не однажды Геннадий Сапронов хватался за сердце, но успокаивал и нас, и себя: пройдет. Успел доехать до дома, но и в Иркутске уйма дел — и сердце не выдержало.

А спустя, кажется, неделю не стало и Саввы Ямщикова. Его знали хорошо по всей России. Реставратор, ценитель и защитник русского искусства, устраивавший постоянно выставки и старых, и современных мастеров, очень больной, но не дававший себе отдыха ни на день, горячий и талантливый публицист, постоянно выступавший на радио и в газетах-журналах, не спускавший, кажется, ни одной подлости нашим ненавистникам, написавший за последние годы несколько замечательных книг, которые издавал в том числе и Геннадий Сапронов.

Что и говорить — это невозполнимые потери.

В.К. На встрече В.Путина с писателями, которая состоялась в начале октября прошлого года, вы поставили вопрос о необходимости поддержать в условиях кризиса

так называемые толстые литературно-художественные журналы. Письмо главе правительства с такой просьбой подписали руководители нескольких ведущих, самых известных журналов страны. Конкретно просьба состояла в том, чтобы на федеральном уровне финансировать библиотечную подписку на эти издания, особенно для сельских библиотек. Некоторое время спустя было объявлено, что соответствующее решение принято и деньги на такую подписку выделены. Однако на днях главный редактор журнала «Наш современник» Станислав Юрьевич Куняев сообщил мне: принятое решение (вместе с деньгами!) запуталось и застряло где-то в бюрократических инстанциях — никакой дополнительной подписки в конце года так и не состоялось. Кстати, как вы знаете, далеко не первый и не единственный случай: хорошие решения иногда принимаются, но часто не выполняются. Что же делать? Как быть?

В.Р. А что мы можем сделать? Если было такое решение и деньги на подписку были выделены, — надо полагать, у правительства есть службы, которые и обязаны отыскать, где эти деньги застряли и сопроводить их по назначению. Понятно, что дорого яичко ко Христову дню, то есть для журналов было важно, чтобы обещанная поддержка пришла вовремя. Но, думаю, лучше позже, чем никогда.

А ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ?

В.К. Для меня одним из показателей нынешнего отношения к настоящей культуре в нашей стране стал захват зданий, ранее много лет успешно работавших на культуру, а теперь силовым способом переходящих во владение новоявленных богачей. Перед Новым годом потрясло известие, что добрались, кажется, до знаменитого ЦДРИ — Центрального Дома работников искусств. Он был открыт в феврале 1930 года, на открытии Маяковский читал вступление в поэму «Во весь голос». И кто только из подлинно великих деятелей нашей культуры не встречался за прошедшие годы в этих стенах со зрителями и слушателями! А вот теперь в ЦДРИ не уверены, что им удастся отметить свое 80-летие. Продолжается, насколько я знаю, и осада здания Союза писателей России на Комсомольском проспекте. Появилось ли там хоть что-то обнадеживающее?

В.Р. «Захватили, захватили»... Вот уже двадцать лет мы живем под громогласное эхо этого разбоя. И до сих пор нет твердого закона (или на него плюют), который раз и навсегда отбил бы охоту зариться на чужое. Если решаются на захват, значит, уверены в своей силе. И особенно — как с молотка пошла — посягают на собственность или аренду работников искусств, театров, писательских домов. Если вспомнить наши с вами беседы: пытались ведь и МХАТ имени Горького отнять у Дорониной, и театр Корша, бывший филиал МХАТа, а затем Театр наций, и вот здание Союза писателей России не в первый раз выдерживает осаду... Да и многое что еще... И если эти попытки не прекращаются, значит, посягатели, хорошо разбирающиеся в обстановке, чувствуют и наблюдают, что Россия сейчас все более теряет свою славу страны великого искусства и высокой нравственности и что ей достаточно телевизионного балагана.

Вот пример: мы только что справили 150-летие А.П.Чехова. МХАТ имени Горького подготовил к юбилею две премьеры, да и ранее поставленный знаменитый спектакль «Вишневый сад», где Раневскую изумительно играет Татьяна Васильевна Доронина, продолжает с успехом идти. Идет также веселый, искрометный спектакль по чеховским рассказам — «Весь ваш Антоша Чехонте». А еще МХАТ провел и прекрасный, очень душевный вечер, посвященный чеховской дате. Но разве откликнулось телевидение на все это? Разве показало стране во всю ширь, как следовало бы?

В.К. Увы! И это ведь далеко не первый факт демонстративно несправедливого отношения к театру Татьяны Дорониной, о чем мы с вами раньше уже говорили. Зато всякому непотребству — поддержка и внимание.

В.Р. Абсолютно согласен с вами... А что касается здания писателей России на Комсомольском проспекте, В.В.Путин на наши просьбы о помощи наложил резолюцию: не трогать писателей. Но не трогать — это еще не спасение. Аренда этого дома стоит денег и денег, прежде нас выручала субаренда, а теперь ее запретили. Накануне Нового года произошло, надо считать, чрезвычайное, огромной важности событие — объединение Союзов писателей Беларуси и России. Но в тех условиях, в каких оказался наш Союз писателей, это объединение недалеко уйдет. А подобные инициативы надо бы властям поддерживать всерьез. Не за себя печемся.

В.К. Невеселый у нас с вами разговор получился. Но есть все-таки и отрадные новости. К ним относится, безусловно, присуждение Валентину Григорьевичу Распутину премии Правительства РФ за книгу «Сибирь, Сибирь...», с чем я вас искренне поздравляю. Среди лауреатов правительственной премии с радостью отметил также Альберта Лиханова, диалогия которого «Русские мальчики. Мужская школа» печаталась в «Нашем современнике», и особенно, конечно, хор имени Пятницкого, который совсем было исчез из нашей культурной жизни да и сейчас, к сожалению, на телеэкране появляется крайне редко. Хочу вспомнить еще спектакль по вашей повести «Последний срок», привезенный прошлой осенью из Иркутска в Москву на театральный фестиваль «Золотой витязь» и редкостно тепло, сердечно встреченный зрителями...

В.Р. Я думаю (и вижу), что единой России сейчас нет, она осталась лишь в названии политической партии. В действительности же Россия разошлась на две противостоящие одна другой силы. Есть и третья — бездействующая, равнодушная, смертельно опаленная ее судьбой. А из двух первых одна — не любящая, не понимающая и даже ненавидящая Россию как историческую, так и современную, но обирающая ее безжалостно, не признающая ни песен ее, ни языка, ни народных нравов. А ведь тоже дети России, и тоже вроде законные. Но поставившие себя выше ее.

Вторая сила — та, из которой слагается народ. Преданная своей земле и в несчастиях, и в редком благополучии. Молящаяся за нее, своих детей воспитывающая в любви к ней, горько страдающая при виде ее запущенных пашен и погибающих деревень, сердцем понимающая, что без деревни Отчизна наша даже в больших городах — это только выселки, а не родство с землей. С болью в сердце наблюдающая, как власть позволяет отлучать от родного в школах, университетах и приучать к безобразию в кино и на телевидении. Чего там — почти всюду. Стойки, воистину стойки, стараются держаться, но опоры от мира все меньше. Опора только в храмах.

Но вот, как вы правильно говорите, отрадная новость последнего времени — список лауреатов правительственной премии. Поверьте, моя радость не за себя (хотя за «Сибирь, Сибирь...» и мне приятно получить признание), но гораздо более того радость за многих в списке награжденных. И особенно за хор имени Пятницкого. Вот уж кто словно из небытия поднялся и как запел! И если даже в правительстве слышали — хочется надеяться, что этот крен в сторону отечественного искусства не случаен. А уж о наших доморощенных недругах позаботится, как она это давно делает, заграница. В том числе и российская заграница.